

18+ Мария Соловьева

*Скорей бы
зацвели
одуванчики*



Мария Соловьева

Скорей бы зацвели одуванчики

«Издательские решения»

Соловьева М.

Скорей бы зацвели одуванчики / М. Соловьева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985978-5

Студенты Алла и Павел очень нравятся друг другу и, кажется, свадьба — вопрос времени. Но день, когда молодой человек делает предложение своей девушке, заканчивается крахом... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-985978-5

© Соловьева М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Скорей бы зацвели одуванчики

Мария Соловьева

© Мария Соловьева, 2021

ISBN 978-5-4498-5978-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Нет, на одуванчики рука не поднимается. И так осталось им всего ничего. Слышен треск газонокосилки – скоро им хана. А пока вот они. Мириады солнечных точек сливаются в огненную реку. Затем – асфальт. Большой палец, расплющенный об экран. И все.

А Влад где-то далеко. Догоняла его с разбитой коленкой. Вытирала слезы рукавом и все пыталась растянуть непослушные уголки губ в улыбку. Подумаешь, коленка. Подумаешь, тройбан по физике за год. До осени можно забыть и забить. Правда, надо ехать на дачу с родителями. Там хорошо, но как же Влад? Ничего, выкрутимся. Только вот коленку саднит, ну кто же ездит без защиты...

Она снимала его много раз. Вот видео, где он на роликах несется по краю платформы. У нее тогда аж всё съезжилось внутри и во рту пересохло. А, вот – в тот самый день...

Додумалась же – взять мобильник на озеро. И как его не украли только... А вот фоток, где они вместе с Владом – нет. Снять их вдвоем было некому. Телефон-то допотопный, без селфи.

Старенькая «раскладушка», классе в седьмом подарили родители. Логотип почти стерся. Царапины на крышке. Болезненно попискивает – честно! как живой – если его неловко схватить. Да, надо бы новый, смартфон.

А на газоне за окном – еще несмело, поодиночке – уже проклевываются первые одуванчики. Новые одуванчики.

Вот и Ангелина. Она – прелесть. Чуть пупок оторвется от позвоночника – ой, полнею. А сейчас закажет две сосиски в тесте на первое и яблочный пирожок с чаем на второе.

Алла положила мобильник рядом с солонкой, отвела темную прядь за ухо и помахала рукой подруге – мол, иди сюда, пока никто не занял место.

– Блин, Алка, экзамены через месяц... Я так боюсь, я тебе передать не могу... Алла... тут такое дело... – Ангелина поставила на столик тарелку с выпечкой и чай. – Ты поела уже? – продолжила она уже совсем другим, спокойным и уверенным тоном, немного учительским даже. – Помнишь, я когда тебя с Ромкой моим знакомила... там тогда с ним еще один парень был?

– Ну да... Ты еще тогда выбрать не могла – усмехнулась Алла.

– Тихо тебе! – Ангелина шутливо погрозила подруге. – Пашка, такой блондин с длинными волосами (Ангелина показала ладонями середину плеч). Он с тобой познакомиться хочет.

– Лин...

– Ну что «Лин».. – она слегка толкнула Аллу в бок.

– Лина, я не хочу ни с кем знакомиться.

– Ал, ну ты чего, в монашки захотела... ой, извини, если оскорбляю религиозные чувства. Пирожки суперские, ты пробовала?

– Да, целых два съела. Уже пара началась, видишь, нет никого...

– Ничего, войдем тихонько. Ал, да он нормальный парень. Ну просто не мое, мне Рома нравится. Если тебе интересно, он тоже в церковь ходит.... Не бойся – добавила Ангелина вполголоса – в постель на втором свидании не потащит. И даже на десятом.

– А, пришла пора, хочет жениться...

– Аллусь, ну ты чего, не знаешь человека даже. В общем сегодня, после пар... Да не бойся ты, не изнасилует... Ну встретишься с ним пару раз, не понравится – так и досвидос. В общем, я обещала. У Казанского. Мы с Ромычем в кино, а вы куда хотите. Все, побежали.

Глава 2

Стоял конец апреля. Впрочем, фразы «конец апреля» или «апрельский день» в Петербурге могут означать все что угодно, вроде неопределенного местоимения. Апрельский день в Питере – это и солнце, просвечивающее сквозь новорожденную листву аккуратно постриженных тополей, отчего их темные стволы словно излучают зеленовато-золотистое сияние. Это и облака, окутавшие город, повисшие на улицах влажной взвесью мелкого дождя; отраженные в мокром асфальте, они кажутся бесконечными. Порой это и последний снег, липнущая к ногам слякоть, от которой остаются грязные лужицы на кафеле прихожей. Это первые цветы мать-и-мачехи. И первые одуванчики...

Апрельский день в Петербурге – это когда вместо дубленки, пуховика или шубы ты носишь демисезонное пальто или куртку, и всем телом радуешься свободе.

Этот апрельский день выдался солнечным. Уже проклюнулись почки на березах, на газонах прорезалась трава и зацвели скромные голубые пролески и роскошные шафраны, на солнечных местах раскрылись одуванчики.

– Слушай, я так боюсь его... У него глаза змеи, честно. Но он такой классный! – говорила Ангелина.

– Ангелин, думаешь, я не боюсь... А уж Семкина как... второй раз без стипендии не очень здорово будет...

– Это точно... Ты не переживай, ты же умная... Ты вообще супер...

– Да уж, супер... – Алла замолчала и задумалась. Ангелину удивляла, иногда даже пугала эта особенность ее подруги – посреди самого оживленного разговора она, обычно болтушка-хохотушка, порой словно «отключалась», уходила в себя, словно бы пытаясь что-то припомнить, решить какую-то головоломку, или, напротив, отделаться от какой-то назойливой мысли, болезненного воспоминания. Порой она даже не сразу отвечала, когда к ней обращались. Может быть, отца вспоминает... Он умер года четыре назад, когда Алла ещё кончала школу и они не были знакомы. «Сердце» – коротко ответила она, когда Лина спросила о причине его смерти и замолчала. Потом вдруг начала рассказывать про сестру и ее семью. Видимо, запретная тема не стоит беречь...

– Ага, вон они, около Барклай... Да не волнуйся ты, не съест. Привет!

Рома чмокнул Ангелину в щеку.

– Так, вы знакомы уже, ну еще раз – это Паша, это Алла.

– Очень рад – Павел протянул Алле маленький букетик каких-то весенних цветов, из тех, что продают бабушки у метро, она взяла их и поблагодарила. Как раз поместился в наружный кармашек сумочки. Синие лепестки эффектно оттенил черный кожан.

– Мы в кино! Пока! – И Ангелина с Ромой направились в сторону Канала Грибоедова.

– Алла... ну как, куда ходим?... – растерянно бормотал он. Словно испугался свалившегося на него счастья...

– Ну давайте в Русский. Мне сегодня надо ехать к сестре, помочь с племянниками обещалась...

– Так вы тетя?

– Да – Алла впервые улыбнулась. Двое, мальчик и девочка, погодки. Два и три годика.

– Малыши совсем. Любите детей?

– Да. Так в Русский?

– Пойдемте.

Инна открыла дверь. На руках у нее сидел темноволосый малыш с забавно оттопыренными ушами, полутора-двух лет на вид.

– Ая! – закричал он, увидев тетку. – Ая пьисла!

– Аля! – выбежала из комнаты трехлетка.

– Нинуля! Витюша! – Алла взяла малыша у сестры – точнее, он сам перебрался к ней на руки, когда они с Инной потянулись поцеловать друг друга, и тотчас обвил ее шею маленькими, но сильными мужскими ручонками, – присела на корточки и прижалась лицом к черным кудряшкам Ниночки с белоснежным прямым пробором. – Ну что, пойдете в парк...

– Идите, я ужин сготовлю...

Парк только что открыли после просушки. Из-под бурой, слежалой прошлогодней листвы пробивались молодые стебельки. Апрельские анемоны-ветреницы, с резными листьями и тоненькими стебельками, готовились ко сну – белые цветки с золотистой сердцевинкой, днем широко раскрытые навстречу солнцу, уже сомкнулись. На высаженных вдоль аллеи кустах спиреи развернулись совсем крошечные листики – такими же крошечными кажутся ладошки малыша в сравнении с родительскими.

Алла неспешно катила коляску с Витюшей, приглядывая за Ниночкой – та все время убегала вперед. Время от времени Виктор запрокидывал голову, чтобы увидеть тетю, и они улыбались друг другу.

– Смотри, Вить... это какая птичка?

– Гоубь...

– Правильно, голубь... Нинуля, стой... – Алла начинала беспокоиться, когда племянница забегала слишком далеко. А это кто? – показала она на маленькую пичужку, скакавшую по дорожке вдоль куста.

– Вообще...

– Ну, какой же это воробей... Нина, а может, ты знаешь?

– Синитька...

– Нет... разве у синички бывает розовая грудка? Это зяблик! Слышишь, как заливается? Это к хорошей погоде. А к плохой – рюмит...

Сумка едва заметно дрогнула, тихо пискнула и тут же успокоилась.

«Алла, давай встретимся завтра после занятий. Павел»...

Она замерла с мобильником в руке и несколько раз перечитала строки. Нина теребила ее за край куртки... «Аля, Аля, кази нам казку...»...

– Сейчас... пару минут, зайнка... – она ласково потрепала девочку по черным кудряшкам, взяла ее за руку, присела на корточки, прижала к себе и держала несколько секунд.

Потом принялась набирать ответ:

«Я не смогу завтра». Снова постояла, разглядывая экран, словно пытаясь прочесть что-то важное, стерла еще не отправленное сообщение и написала – «Давай. В 16 30 у 120 ауд.». Еще с полминуты поглядела на экран, зажмурилась, и нажала «Отправить». А ведь уже на «ты» перешли...

– Ну вот, жили были два мышонка...

Глава 3

Павла разбудил колокольный звон. На прошлую Пасху он записал его на смартфон и установил для будильника. Небо было серым и ватным, к окошку прилипла мелкая морось, вставать совсем не хотелось, хотя было уже почти девять. С кухни доносился запах яичницы.

– Павлушка, давай скорее, остывает! Тебе выходить когда?

– Мама, мне выходить через полтора часа, у нас же сегодня со второй пары! Мне помолиться надо! И не буду я яичницу! Великий пост!

Мать поджала губы и молча ушла в свою комнату. Теперь будет дуться на него до вечера, и настроение испорчено на весь день.

Бреясь, он чуть не задел родинку и немного ссадил щеку. Успел прижечь перекисью. Бороду отрастить он пока не решился. Интересно, конечно, как оно будет с бородой, но зачем злить их по мелочам. Весь этот год и так что ни пост, то ругань. Искушения. Правда, все равно узнают рано или поздно.

Вновь зазвонили колокола – полдесятого, пора на молитву. Утреннее правило не шло, мысли разбегались куда попало, словно трещинки по заледенелой луже. Как мама примет Аллу? Ведь они обязательно познакомятся, скоро-скоро. Тихо. Не спугнуть бы...

Он давно приметил третьекурсницу, подружку Ангелины, Ромкиной девушки. Он видел, как залиvisto она хохотала со стайкой одноклассниц, и тут же задумается о чем-то и смотрит в окно. И ее задумчивость, и ее веселость понравились ему. Как-то он заметил, что она перекрестилась на институтскую церковь – не тайком, специально остановилась. А он всегда крестится впопыхах и оглядывается. Ему захотелось просто подойти к ней и сказать «привет» – Ангелинка ведь знакомила их – но не решился.

Скормив яичницу Джеку, Павел достал коробку «Геркулеса» №3, нервно сыпанул в тарелку больше чем надо, залил кипятком и сунул в микроволновку. Джек с надеждой заглядывал в глаза хозяину, не перепадет ли ему еще чего-то съестного, со всей силы размахивал своим мощным хвостом, ударяясь то о холодильник, то о дверцу мойки. Павел сначала пытался призвать его к порядку строгим «Иди на место!» или «Как некрасиво!» – у мамы подействовало бы безотказно, но Джек знал Пашкину слабость и все настаивал на своем, а в качестве последнего аргумента принялся жалобно то ли попискивать, то ли поскуливать. Павел вздохнул – ну что с тобой поделаешь, рыжий Чубайс, – так ласково называл своего любимца отец – достал из холодильника сыр, отрезал кусок и дал Джеку, машинально откусив от него кончик. Тут только он спохватился, что нельзя.

– Так, очень хорошо. Яичницу он, видите ли, не ест, а сыр можно. Я понимаю, это ты специально меня умерщвляешь. Ну-ну, продолжай сынок.

– Мам, ну зачем ты, я не специально...

– Конечно. А посуду вчера кто на ночь оставил? У нас служанок нет.

– Мам, ну я сегодня помыл бы...

– Тараканы, сынок, очень любят грязную посуду...

– Мам, ну...

– Что ну? Я на больничном, между прочим. Больная за тобой дерьмо убирать должна?

– Так не мыла бы – раздраженно ответил сын.

– В говне жить я не могу.

Оскорбленно вздохнув, мама зачерпнула столовой ложкой рассыпчатый кофе и принялась заправлять кофеварку.

Звякнула микроволновка – каша готова. Вроде не высохла. Капнем оливкового масла. Не надо поддаваться ее гневу. С Аллой сегодня после пар. У Аллы большие серые глаза и темные волосы. Так и тянет обнять ее за плечи, но нельзя так скоро. Она увлечена русским

средневековьем, хочет писать по нему бакалаврскую. Она собирается работать в школе и терпеть не может семинары по педагогике. Она мечтает, как будет организовывать ролевые игры с детьми – сама не наигралась в свое время, только с соседями на даче...

– Ну что, Павлушка, будешь? – мама примирительно пододвинула ему пластиковую коробочку с четырьмя буше. Аромат ванили, сливочного крема и шоколада сливался с горьковатым, богатым запахом свежесваренного кофе и обволакивал уютom.

– Мама. Сейчас. Пост.

– Так уж оскоромился ведь!

– Нет, не буду.

– Ишь ты какой! Да ну тебя! – совсем уже беззлобно проворчала мама, надкусывая пирожное.

Павел вышел с кухни. Маленькая, но победа: и пирожное не съел, и с мамой не поругался. И вечный бой, покой нам только снится... Сегодня, правда, мама злится вполсилы...

– Мама, а где рубашка?

– Какая еще рубашка? – донеслось с кухни.

– Ты не погладила? Я же тебя просил...

– Ну знаешь, дорогой! Мало того что я за полночи за тобой посуду мыла, так еще и рубашки твои гладить? Рук у тебя, что ли, нет? – голос звучал все громче и грознее, но никак не доходил до высшей точки. Уже было выкрикнуто и про «посты твои сраные», и про «замолится совсем, а мать в гроб готов положить», и про «тебя что, в твоей церкви почитать родителей не учат», а мама все не унималась. Павел сначала стоял перед ней как побитый, потом пошел набирать воду для утюга под все не прекращавшийся аккомпанемент. «Я ничего не слышу, потом извинюсь, что ее упрекнул» – думал он. Сегодня с Аллой после пар. Алла... «Иш, молчит! Смирненького корчишь, да!?!»...

– Мама, ну...

Пятно от утюга на груди. Павел понял, что матюгнулся, уже после того, как мать громко хлопнула дверью в его комнату. Вот блин... И ведь не хотел ссориться... И ведь сам в чем-то виноват... Господи, видела бы Алла меня сейчас... ни за что не поверю, что она может так со своей мамой.

Натянув вязаный джемпер из шкафа, пробормотав на автопилоте покаянный 50-й псалом, заглянув в комнату к маме со словами «Мама прости меня, ну я пошел» и, не дождавшись ответа, поверженный ратник духовной брани вышел из дому.

Глава 4

Парень на роликах едва не сбил их с ног.

– Поосторожнее, о брусчатку навернетесь, мало не покажется... – прервала Алла его робкие извинения и засмеялась. Павел уже хотел было сорваться на незадачливого роллера, но осекся.

– Алла, а ты катаешься? – спросил он.

– Случалось... Здесь на Дворцовой самое место.

– Хорошо катаешься?

– Не знаю... Давно не каталась... Тогда хвалили...

– А чего так, не катаешься?

– Да вот так. Некогда. А ты?

– Не пробовал. Стоит?

– Это как летать. Только по-первости ноги устают.

– Ну так чего ж не летаешь? Ролики-то есть?

– Где-то валяются, если мама куда-нибудь через Авиту какую-нибудь их не сплавила.

Они вышли на набережную. Шпиль Петропавловки блестел на солнце – выглянуло-таки после обеда. После разговора про ролики Алла молчала, и Паша долго боялся спугнуть эту задумчивость, но вдруг у него вырвалось наболевшее:

– Алла, я сегодня с мамой поругался!

– Чего так? – совсем не удивилась Алла.

– Да оболтус я последний, сам виноват. Посуду на ночь не помыл, да еще рубашку просил ее себе погладить...

– Так помирись, прощения попроси! – улыбнулась Алла, совершенно не возмущаясь его тяжкому проступку.

– Да я попросил, только она теперь два дня будет дуться, еще папе все вечером расскажет. Алла! А ты когда-нибудь с мамой ссоришься?

– Ну *так*... бывает.

Снова молчание. Про маму она говорит неохотно.

Они прошли уже всю площадь и приближались к набережной.

– Ой, смотри-ка одуванчики! Еще и мать-и-мачеха не везде зацвела, а они уже нороят! – Алла потянулась за мобильником. – Надо же!

– Любишь цветы фоткать? – Ну ведь надо же что-то спросить...

– По разному... Одуванчики они такие... живые, что ли. Как солнышки. Их скашивают, чтобы пух не разлетелся, а мне жалко... – Поцелкав с минуту по клавишам «раскладушки», Алла установила на крышке свежее фото только что распустившегося одуванчика.

– А селфи любишь?

– Селфи? Не знаю. На нем даже функции такой нет. Старичок мой...

«Старичок» пискнул, словно легкое сжатие ладони причинило ему боль.

– Я сейчас редко фоткаю. Память у него забита, надо бы почистить. Не решусь никак старое удалить – добавила Алла и сунула беднягу в карман.

Погода снова испортилась. Порыв ветра с Невы чуть не унес кепку Павла, солнце закрыла рыхлая сизая туча.

– Да, зря я зонт не взял... – заметил он.

По дороге к метро они договорились встретиться послезавтра. У Павла был день самостоятельной работы, Алле нужно было готовиться к семинару, и беломраморная публичка на «Парке Победы» представлялась лучшим местом для свидания. Павел уже решил, что ответит ее в столовую – словно в ресторан. Потом они постараются сесть не в зале, а на террасе –

там есть такие столики на двоих, с мягкими креслами. Они сядут друг против друга. Болтать не будут, так, перешептываться иногда. Может быть, какая-нибудь пожилая мадам с кичкой и шикнет на них, да какое им дело...

Вот и метро. Он так хотел на прощание поцеловать прилипшую к ее щеке прядку, насквозь промокшую от дождя. Нет, рано. С ней так нельзя.

Паша – сказала она. – У меня первого день рождения. Это будет на Страстной, так что отмечать будем после Пасхи. Придешь?

– Приду! – и он слегка сжал ее ладошку.

Ему еще надо в библиотеку. Ей пора домой. Он проводил ее до турникета, и, выходя из метро, успел помахать ей, прежде чем эскалатор унес ее под землю. Она улыбнулась и помазала в ответ.

Улыбалась она до самого дома. У подъезда стоял пьяный Ахмедка с котом. Кота отдала ему бывшая жена, и он не расставался с ним – даже за водкой в супермаркет таскал на плече. Глядя пустыми глазами в пространство, он изливал потоки отборной русской речи на какого-то ему одному ведомого врага. Когда подошла Алла, он, прервав тираду, произнес ласково-покровительно: «Аллочка, здравствуй, солнышко» – и на миг взгляд его стал осмысленным. Наверное, он решил, что ее улыбка предназначена ему. Что ж, пусть порадуется. Инна говорит, когда-то с ним здесь жили жена и сын... Не выдержали...

Когда заходила в квартиру, улыбка ещё держалась на ее лице. В прихожей стоял полумрак, хотя до поздних апрельских сумерек оставалась пара часов. Из большой комнаты доносились крики – кто-то осуждал пятнадцатилетнюю мамочку, кто-то ее оправдывал и чернил последними словами ее родню – в общем, ток-шоу как ток-шоу.

В прихожую вышла мама. Алла сразу посерьезнела, как будто улыбаться при ней было не к месту.

– Привет, мама – сказала она тихо и почтительно, и поцеловала маму в щеку.

– Привет. Я там борщ сварила, будешь?

– Да, пожалуй... Спасибо... Мама, я пригласила на день рождения одного парня...

Мама глядела на нее молча несколько секунд.

– Ну конечно... я рада... – и ушла к себе.

Алла уткнулась лицом в одежду на вешалке. Нет. Нельзя плакать. Нельзя поддаваться чувству вины, которое обволакивает, словно трясина, и тянет в черную бездну. Да, она виновата перед мамой. Но не век же себя казнить...

Глава 5

Павел все никак не мог взяться за работу – душой он был ещё в Ботаническом саду. Это Алла предложила сходить. Радовалась как ребенок. Павел только что обменялся с ней СМС-ками с пожеланием добрых снов и водил пальцем по смартфону, наслаждаясь послевкусием уходящего дня. Тому, кто вопрошает, что есть красота и чистота, просто не случилось пережить такой день. Вот последние фотографии, азалии. Алла среди цветочного моря всех оттенков от белого до алого. Теплые, южные. Вот она с шаловливой улыбкой протягивает руку к лимону, словно к запретному плоду. Вообще-то, в основном цитрусы еще только цветут, и Павел обозвал выскочку – «тощий плод, до времени созрелый». Алла смеялась. Смеется она здорово. Искренне, открыто, как ребенок. Иногда – до слез. Это Достоевский, вроде, писал, что характер человека можно понять по тому, как он смеется... Эх, надо бы освежить. Не все же в предреволюционной прессе копаться.

Смеются они много. Но иногда Алла вдруг замолчит и словно уйдет в себя. Сегодня по дороге домой они какое-то время шли молча. Потом он заговорил, а она смотрела в пространство, словно не слыша. Тогда он позвал ее по имени. Она даже слегка вздрогнула, но тут же внимательно посмотрела на него и улыбнулась – прости, задумалась. Через минуту она уже рассказывала какой-то забавный случай на лекции.

Надо же, она моложе его, а успела пережить такую потерю. Отец... Интересно, в этом причина этих приступов задумчивости? Так хочется узнать ее постичь всю глубину ее души... Но резких движений делать нельзя. Иногда она позволяет ему взять себя за руку. Наверное, пока с него довольно. Они ведь и месяца не встречаются. Нет, нельзя, нельзя. Ни одна телесная мысль не должна ее касаться. Павел, возьми себя в руки и садись за диссертацию. Старик комп уже загрузился.

Буквы, пробелы, абзацы. Хорошо бы еще уловить смысл. А вот эту цитату надо сверить, и за статьей нужно лезть в интернет. Так не хочется в эту помойку после такого дня. Ой, блин, извещение. Опять эта Alice с форума. Тьфу ты, ну надо же было ввязаться в такое гнилое обсуждение. Уже и в сторонники телегонии меня записала. Надо ответить.

Paulus – «Насчет телегонии – вопрос спорный. Уважаю дорогого протодьякона, но и он может заблуждаться. Разве я где писал, что нет покаяния? Я лишь хотел сказать, что САМ я женюсь лишь на целомудренной девушке»

Модераторское (зеленым шрифтом) – Paulus, прекратите пользоваться КАПСЛОКОМ! Это рассматривается как крик и нарушает правила форума!

Alice – «Вы всегда, когда знакомитесь с девушкой, расспрашиваете ее о прошлом? Может, ещё и справку о гинеколога требуете?»

Paulus – «Тут и выяснять ничего не нужно. По глазам все видно, по манере держаться и говорить. Вот девушка моего друга – сразу видно, с прошлым. Правда, он говорит, что у них еще ничего не было, но я думаю, это она цену себе набивает. Видел я, как она держится с ним, так и завлекает. Не в осуждение будь сказано, сейчас у молодежи так принято, сплошь и рядом. Если девушка оступилась, потом покаялась – дай ей Бог счастья, но не со мной»

Alice – «А у Вас есть девушка, прозорливец Вы наш»

Paulus – «Прошу не лезть в мою личную жизнь (набрал сначала „своими грязными лапами“, но стер страха ради модераторского), не оффтопьте. Вы нападаете на меня потому что хотите оправдать себя».

Alice – «Мне не в чем оправдываться перед Вами»

Paulus – «Ах, простите. Недостойн Вашей продвинутой. Очень тронут обращением на „Вы“, да еще и с большой буквы, в хамских сообщениях»

Alice – «Никто Вам не хамит»

Понеслась обычная форумская перебранка, сиречь «флофф». Вскоре сообщения Павла зазеленели модераторскими правками – «удалено», «отредактировано», «переход на личности удален», а внизу страницы появился ярко-красный приговор: «Тема закрыта. Paulus – бан на неделю. Alice – предупреждение».

«Ну и слава Богу – подумал Павел. – Полчаса просрал с этой... Alice. Вот ведь... Наверное, ровесница Аллы. Вроде тоже студентка, тоже из Питера. И за что она так меня возненавидела... Понятно, задел больную совесть... Но сам то я так за что на нее... Ведь обычная девчонка, как все сейчас. Почему так хотелось заткнуть ей рот... И хочется, честно говоря, но рот уже заткнули *мне*».

Ему вдруг захотелось побольше узнать про нее. На форуме недавно, как и он. На аватарке – какая-то анимешная девчонка. Не хочет, чтобы узнали, ну и ладно, сам-то вообще еще никакой картинки не поставил. Он попытался найти ее сообщения в других темах, но просмотр профиля забаненным пользователям был недоступен. Он вернулся на последнюю страницу склоки и стал прокручивать ее, пытаясь понять, с какого момента его понесло. Похоже, там, где она спросила, есть ли у него девушка. Да, зря он начал склонять эту дурочку Ангелину... Осудил, грешен... Но когда она спросила про его девушку – аж в глазах потемнело от злости.

– Таак. Паш, посуду опять мне мыть? Пока ты в интернете виснешь? – Мама стояла в приоткрытой двери и смотрела ему в спину.

– Мам, я диссертацию должен сегодня пописать...

– Ах, это диссертация? А я думала, это форум твой сраный – подойдя к Паше вплотную, мама склонилась над ним и заглядывала в экран. Он спешно щелкнул по крестику.

– Так, мама, это не твое дело...

– Не мое, конечно. Мое дело – гробиться на работе да горшки за тобой выносить – она выразительно глянула на грязные тарелку и чашку у монитора. – Умервщляй меня, дальше, давай – она говорила все громче и быстрее.

– Так, мама, прекрати сейчас же! Помою я посуду, блин... Выйди из моей комнаты...

– Хо-хо. Богу молится, с чертом водится... – орала мать.

Павел выскочил в коридор и бросился в прихожую. Спешно накинул куртку и выскочил на улицу. Долго ходил по аллее вдоль набережной.

Испортить такой день... А все из-за Alice. Он попытался оживить в сознании образ Аллы, но не мог. Перед глазами стояла бойкая девчонка с лицом из аниме. Он представлял себе ее резкий, самоуверенный голос, развязную манеру говорить... И даже во сне она пришла к нему. С темными как у Аллы волосами, только выкрашенными в радугу, или как там это называется. Сидела нога на ногу, так что из-под юбки торчал кусок узкой смуглой коленки, и спрашивала, истерически хохоча: «А у Вас есть девушка, прозорливец Вы наш?...».

Глава 6

Да, не всем так повезло. Не у всех день рождения выпадает на государственный праздник. И на вопрос «Что празднуем-то первого мая?» у меня есть четкий ответ.

Мама рассказывала, что за два дня до свадьбы они с папой жутко разругались. Но документы поданы, платье сшито, гости приглашены, деваться некуда, пришлось мириться. А вот не помирились бы, не было бы ни меня, ни Инки.

*С ума сойти, не могу себе представить, как это **меня** не было бы. Но теперь я точно есть и точно буду всегда. Я верю в загробную жизнь, пусть и не так четко по полочкам у меня все это разложено, как у Инки – посты, праздники, исповедь, среда-пятница и т. п.*

Инка. Что-то у нее серьезное с этим длинным, толстым и ушастым Станиславом. Если смотреть со спины, челюсти у него выступают по бокам, как два шарика. Вот пожениятся они, будут детки. Которые тоже не смогут себе представить – как это нас не было бы? И я не смогу представить, как это их могло бы не быть? Я знаю, что буду очень любить их.

Так вот... Если бы папа и мама тогда раздумали жениться... А что, может быть для мамы это было бы и лучше. Не было бы этих жутких семейных ссор раз в два месяца, которых всегда ожидаешь с дрожью, и отходишь с трудом, и нам с мамой не пришлось бы пить валерьянку. Ну, мне-то уж точно бы не пришлось. Так что для меня это было бы определенно не лучше – меня попросту не было бы. А если бы моя прапрабабушка, горничная, не стала бы сто лет назад любовницей графа – даже бабушка фамилию деда не знала, а мне совсем неоткуда знать – то не было бы ни меня, ни мамы, ни бабушки, и уж тем более прадеда. Мать сдала его в приют. Да, прапрадедушка козел... нет, не буду, о мертвых либо хорошо, либо никак, так мама говорит. В общем, если бы этого не случилось, не было бы нас всех. Но мы есть (бабушки, правда, уже не в этом мире), и это здорово.

Надо же, какие мысли приходили ей в 16-й день рождения. А сегодня отмечают ее 20-летие. Которое было полторы недели назад, на Страстной. Павел подарил букетик ландышей. Он тогда взял ее за руку и долго держал, улыбался и смотрел в глаза, обещал привезти подарок, когда будут отмечать.

В тот день заезжала Инка, поздравить. Получила на ФБ красивую гифку от Олеськи, двоюродной сестры. Не видела ее сто лет. Ну, не сто, на поминки они вроде приезжали всей семьей, до них ли было... Ладно, дело не в этом. Красавица она, судя по фото. Чуть-чуть похожа на Аллу, но до чего же роскошные темные косы! Идет ей вышиванка. И молодой человек ее красавчик. Правда, постит всякую *самостийную* фигню, как бабушка сказала бы, у себя на странице, ну да это его дело.

А сегодня Паша впервые придет к ней в дом. Надо прибраться, заодно разобрать старые бумаги. Вот и выкопала эту тетрадку. 48 листов, какая-то анимешка на обложке, она тогда увлекалась...

Это была последняя запись. Потом стало некогда... Да и зачем, еще прочтут...

Как все тогда было просто, ясно и здорово, словно майское солнце, светившее в тот день. Она была уверена, что жизнь – это кайф и чудо. Жизнь вообще, и ее жизнь – в частности.

За последние годы она много раз читала, что жизнь – это чудо. Дар. И она знает это умом. Но сердцем...

На сердце уже, наверное, никогда не будет так принимать жизнь со всеми ее выкрутасами.

Сегодня по дороге из церкви она видела цветущую вишню. И ей захотелось окунуться в ее ветви словно в пенистую ванну и смыть все, что прикипело и прислать к ней за 4 года, чтобы вернуться к себе прежней. Но...

Но между нынешними и тогдашними вишнями в цвету стоит маленькая жизнь. Которая зародилась и прервалась так внезапно и нелепо, что, казалось бы, ну где же тут чудо? Где радость?

Тот день рождения четыре года назад... ладно, надо накрывать на стол. Инка уже звонила, что подъезжает, Павел придет где-то через час. Ангелина и Марьяна – тоже.

Марианна и Ангелина, Марьяша и Лина. Одноклассница и одноклассница. Две подруги из разных жизней.

С Марианной дружили еще с песочницы. Потом – первоклашки с букетиками. Стая шариков тонет в небе. Прописи. Елена Николаевна. «Из-за вашей болтовни весь класс не пойдет на перемену!». Таинственный запертый туалет на третьем этаже – а вдруг там скелет? Да уж, создатели «Закрытой школы» почерпнули бы у них пару идей по поводу того, какую страшную тайну может хранить запертая уборная. Торжественные похороны воробьев и синиц, найденных бездыханными в зарослях черноплодки. Сцены ревности похлеще чем в сериалах «Ты что, больше дружишь с Быстровой, чем со мной?» Разговоры о жизни и смерти. Им лет по девять. «Представляешь, как страшно умирать? Тебя вообще не будет, совсем-совсем. Вот было бы здорово, если бы была душа. – А ты слышала, что душа после смерти переселяется в других людей» – и тут же следовала веселая история, как Наполеон попал в ад, откуда полетел на землю в виде Владимира Ильича (от Инки Алла слыхала, кто это такой). Они смеялись, словно это не они пять минут назад боялись смерти.

Записочки с клятвами вечной дружбы, спрятанные в батарею. «Делать вам нечего больше» – говорила бабушка, находившая и читавшая сложенные вчетверо тетрадные листки в коричневых разводах – натекла вода из цветочного горшка. Бабушка, ну неужели сложно было, если уж прочитала, сделать вид, что ничего не знаешь...

Под надзором бабушки они исправляли и совместно заработанные двойки. Бабушка к тому времени уже начала сдавать, плохо видела и иногда не узнавала знакомых, но помнила почти наизусть всего «Мцыри» и все словарные слова.

А вот они играют в «Трех мушкетеров». Марьяна любила изображать миледи, мастерски копируя голос и интонации Тереховой. «Бросьте жертву в пасть Ваала, киньте мученицу львам...» «Убейте меня, господин д'Артаньян...» (д'Артаньяном, готовым отомстить негоднице, была Алла).

Удельный парк зимой. Марьяша сидит на Аллиных санках. Они играют, кто дольше продержится. Алла смогла усидеть минуту и десять секунд. Марьяша, похоже, победит. Папа крутит санки словно карусель, Марианна уже слетела с них, но вцепилась руками в крайнюю планку. Красное пятнышко, ее пальто, несется по снегу.

Имя свое Марианна получила в честь героини сериала, который шел, когда мама была ею беременна. Правда, шикарной внешности сей героини она не унаследовала. Обычная. А как пошли юношеские угри, она боялась смотреть на себя в зеркало.

Художественная школа, куда Алла увязалась вслед за Марьяшей и отходила целый год в шестом классе. Глина пахнет чем-то родным. Ее хочется есть, ею хочется вымазаться. Без конца бы тереть ее кончиками пальцев. Влад ходил в ту же школу. Его двоюродный дядя, кажется, преподавал там лепку. И домой они возвращались втроем – Влад прибил к ним с Марьяшей на правах сына маминой подруги. Возвращались в сопровождении родителей Марианны, ее одну никуда не отпускали. Собственно, и Аллу отпускали только под их присмотром – занятия оканчивались около восьми вечера, и осенью-зимой было уже совсем темно. Но родители шли обычным шагом, а молодняк – Алла, Влад и Марианна, с визгом мчались по набережной, оставляя родителей далеко позади. Вот они добежали до Инженерного замка. А вы знаете, сообщает Влад, что здесь убили Павла I, и с тех пор его призрак ночами бродит по коридорам, иногда выглядывает в окна, а то и выйдет на крыльцо... Позовем? Не боитесь? И они взлетали на ступени и орали, что было мочи – эй, призрак! И однажды докричались –

дверь открылась, и на пороге появился... На пороге появился мент. Их как ветром сдуло, а Марьяшины родители до самого дома ругали их за разгильдяйство и балагурство.

Через год мать забрала Марьяшу из художки... ох, тяжелая история... Влада исключили за поведение – бегал по крыше и чуть не свалился. У директора не было охоты сесть из-за малолетнего балбеса. За компанию ушла и Алла. Особого призвания к изобразительному искусству она не ощущала, не то что Марианна...

Да, было время. Казалось, счастьем нет конца. Конечно, не все было безоблачно. Были жуткие семейные ссоры, случавшиеся в самый неподходящий момент – например, во время праздничного застолья. Но это ведь фигня...

И когда после всего, что произошло, Алла не вернулась в школу, Марианна пришла к ней. Долго сидела без лишних вопросов. Она не спрашивала, но Алла наконец заговорила...

Ангелина – совсем другая эпоха. Другое измерение. Прошлое для нее закрыто, но настоящее у них общее. Латынь – надпись *Avae Caesar, morituri te salutant*, выведенная на доске в день зачета. Шумерские династии, которые заставлял учить как стихи чудаковатый профессор Н. Стопки книг на кровати. Лина приехала из Подмоскovie (не прошла в столичный вуз по ЕГЭ), жила одна в съемной квартире, и перед экзаменом часто ночевала здесь. В такие дни Лина умирала от страха, не спала ночью, не ела с утра – говорила, кусок в горло не лезет.

Сама она любила делиться с Аллой своими сердечными делами. Росту невысокого, как придется худеть (уж ей-то зачем, казалось бы), так кажется, вот-вот разобьется от одного неловкого движения. Неброская с виду, она зачаровывала парней то своей хрупкостью, видимой беспомощностью, то открытой детской улыбкой, то уверенным тоном. При этом она могла беззаботно болтать, а могла говорить ровным низким голосом, выдававшим твердость и даже некоторую властность. Нельзя было заставить ее плясать под свою дудку, сама же она легко добивалась у людей, чего захочет. Стоит ей пару минут поболтать с мальчиком в очереди о какой-нибудь ерунде, как он уже пригласит ее в кино или на дискотеку. Лина не отказывается, но и ничего не обещает. А потом... «Алла, просто не знаю даже, как быть. Ну как сказать ему, что не хочу с ним больше встречаться? Не хочу подавать ложных надежд...». И так из раза в раз. Ни с кем она не сближалась. «Кто знает, может быть и до свадьбы – говорила она. – Пока мужчина с женщинами не переспал, в ней есть какая-то тайна».

Сначала Ангелина старалась вызвать Аллу на взаимную откровенность. Потом, решив, что ей, видимо, нечего рассказывать, стала пытаться «расшевелить» ее, звала подругу на дискотеки, но та почему-то не хотела. Пыталась она свести Аллу и с «отбракованными» ухажерами, но Алла уклонялась.

Звонок в домофон. Инна, ты? – нет, это Марианна.

Марианна сняла потрепанную ветровку. Одетая в белую блузку и черную юбку. Здравствуйте, Светлана Алексеевна. Мама? Да ничего, Ксюха растет... – она достала из коричневого кожанового рюкзака – вероятно, того самого, в котором таскала в институт книги и тетрадки, дешевую коричневатую помаду с блеском и белорусскую тушь, которой суждено будет осыпаться к концу застолья, и спешно «навела красоту». Затем заговорщицки подмигнула Алле – «чего я тебе показать хочу», и девушки прошли в комнату. Они расположились на нижнем ярусе кровати, затянутом лимонным китайским покрывалом – всё в диковинных цветах и райских птицах.

В прошлой жизни здесь спала Инна, а теперь он служил Алле местом занятий. Тут удобно было разложить конспекты и «шпоры», или, лежа на животе и опершись на локти, поставить перед собой нетбук или положить планшет.

Из того же рюкзака Марианна достала черную пластиковую папку, стянутую резинками. – Зацени...

В папке было несколько листков формата А4, как для принтера, исписанных акварелью. Длинная прямоугольная ваза из прозрачного зеленоватого стекла, в которой стоят желтые и белые нарциссы.

– С натуры?

– Да. Папа подарил на восьмое марта. Хорошо, успела набросочек этот сделать, а то мама потом их выбросила...

– Господи...

– Ну да. Как там она его называет – то ли Пурим, то ли день Чикагских проституток. И я слышала, папе потом звонила и мозг выносила.

Алла вздохнула и помотала головой.

Сизо-алый, ветреный закат, словно кто-то разбил банку малинового варенья об асфальт, с краешком крыши желтовато-серого блочного дома. Алла давно не была в гостях у подруги, но помнила, что этот краешек виден из окна ее комнаты.

Несколько набросков с натуры.

– Это одnogруппники мои.

Какая-то девушка в длинном платье и с венком цветов.

– А это кто?

– Не знаю, Офелия какая-нибудь... Алл, я хотела их у тебя оставить. Мама опять порвать может. Я недавно только снова рисовать начала после всего этого... ну ты понимаешь...

– Да, конечно, Марьяш... – Алла разглядывала набросок молодого человека в футболке и джинсах, с мускулистыми руками, стриженными слегка вьющимися волосами. Он сидел в профиль, лицо прикрывал руками.

– Тоже одnogруппник? – спросила она, пристально глядя на Марьяшу.

– Да типа того. Этот я все-таки себе оставляю, пожалуй... – и, взяв листик из Аллиных рук, вложила его в папку и убрала в сумку. А эти сохрани, прошу...

– Конечно! Что-нибудь даже на стенку повешу. Надо бы в рамочку вставить – и Алла спрятала рисунки в ящик компьютерного стола.

– Марианна – добавила она помолчав. Как ты, блин, все это терпишь...

– А куда деваться... Снять квартиру мне не по деньгам... Вот окончу институт, пойду работать...

– Ты с твоим таланом в Политехе... У меня вот нет таких данных. Раньше петь любила, теперь не поется... – она взглянула на гитару, пылившуюся в углу между кроватью и окном. – Мариан, ты к отцу не обращалась?

– А зачем... у него своя семья, дети. Тоже вот понять его не могу. Ушел от нас, потому что мама аборт не хотела делать, с Ксюшкой-то, а там плодится.

– Ты уверена, что из-за этого ушел?

– Ну да... мама так говорит... У нее, наверное, из-за этого крыша и съехала вконец. Давно с ней уже неладное творилось, а это – последняя капля.

И, словно спасая Марианну от неловкого разговора, снова зазвенел домофон.

Глава 7

Дверь открыла Алла. В ярко-синем платье до колен, с янтарным кулоном на слегка открытой груди. Волосы собраны бубликом на макушке.

– Спасибо, Паша! – она вся светилась, принимая букет белых колокольцев с голубой каемкой, похожих на фарфоровые чашечки. Он так и не запомнил названия, но знал, что ей понравится. Ее глаза казались чуть припухшими, с красными прожилками. Наверное, не выпалась, готовила... Она зарылась лицом в цветах.

Неужели он пришел последним? Столько народу вышло встречать его в прихожую... Лина здесь тоже. И ещё одна подруга, Марианна, Алла про нее много рассказывала.

– Здравствуйте – посыпалось на него со всех сторон.

– Павел... – смущенно представился он и протянул руку высокому темноволосому мужчине с оттопыренными ушами. – А Вы, должно быть, Инна? – обратился он к молодой женщине, с такими же большими серыми глазами как у Аллы, но со светло-русыми волосами, чуть повыше и поплнее.

– Да – Инна подхватила на руки младшего, ворча что-то про мокрые штанишки.

– Красота! Как называются? – спросила Алла, оторвав лицо от букета.

– Ли-зи... аструм... – замялся Павел, вспоминая название.

– Лизиантус – поправила Инна, которая уже успела вернуться с переодетым малышом на руках.

В прихожую вышла невысокая, ростом с Аллу женщина, не старая, еще, наверное, не пенсионерка, но с прядью седых волос надо лбом. В темной, неопределенного цвета блузе и брюках.

– Мама, это Павел!

– Очень приятно... Светлана Алексеевна... Проходите, Паша... – она с полминуты вглядывалась в него, затем вернулась в комнату. Алла наскоро познакомила его с Марианной и представила его соседке, Татьяне Евгеньевне. Это была ровесница Аллиной мамы, высокая женщина с усталым лицом. «Аллочка мне как племянница» – пояснила она умиленно. Инна, успевшая за это время сбегать в комнату, сообщила, что все готово, мойте руки, пора за стол. Павла усадили на диван слева от Аллы, а справа от нее села Ангелина.

Первый тост, как водится, был за матью.

– Аллочка, детка... Двадцать лет... давно ли в школу тебя собирали... Давно ли... Ну, в общем, здоровья тебе, счастья, а главное – мудрости...

– Да, Аллочка... мудрости – отозвалась женщина, которую Алла до этого представила ему как соседку. – Береги маму. Мама у тебя – просто золото.

– Спасибо – Алла улыбалась, но Павел уже знал ее настоящую улыбку, и видел, что тост ее совсем не порадовал. Отпив вино, она поставила бокал на салфетку. И снова эта странная задумчивость. Она часто моргала, глаза покраснели и от этого радужка, обычно серо-голубая, казалась зелёной. Он незаметно взял ее ладонь и слегка пожал. Инна встала и с нарочитой развязностью подняла бокал.

– Ну, между первой и второй... Алка, за тебя. Ты умница. Третий курс кончаешь! Пол срока, считай, отси... ой, отучилась...

– Ну, не говори гоп... еще сессия впереди. Я как про N. подумаю, мурашки по коже... – зататорила Алла.

– Да уж... – Ангелина склонила свою кукольную головку на плечо подруги.

– Ничего, прорвемся! Где наша не пропадала! – Алла потрепала Лину по плечу и подняла бокал.

Зазвенел мобильный, Марианна полезла в карман и неловким движением плеснула вина на блузу. «Да, мам, в библиотеке... (Татьяна Евгеньевна значительно приподняла брови). Да, позвоню перед выходом». Бросив телефон на стол, она вскочила со стула и бросилась в коридор. Алла встала и пошла за ней. Все невольно глянули им вслед. Инна покачала головой. Через пару минут они вернулись. На Марианне была другая блузка, видимо, Алла дала переодеть.

– А третий, давайте, не чокаясь... – сказала Светлана Алексеевна, когда девочки вернулись на свои места.

Алла удивленно взглянула на мать.

– Я думала, сначала за тебя, мам...

– Нет, потом за меня. Сейчас не будем чокаяться.

Инна разлила всем вино. Светлана Алексеевна долго молча держала неотпитый бокал в руке.

– Ну что ж... вечная память – сказала она.

– Вечная память – глухо отозвалась Алла и, осушив бокал, выбежала из комнаты.

Наверное, был бы жив папа, давно бы купили посудомоечную машину (а может, и не только посудомоечную). Ну да ладно, надо смотреть не на гору жирных тарелок, а на горку белоснежной пены в раковине. Сейчас под ней скроется вся эта грязь, а на столе появится аккуратная стопочка. А мама пускай полежит. Зря она, конечно, выпила последнюю рюмку. Это Татьяна ее подзадорила, вот теперь с давлением и мучается.

Да, после поминальной рюмки ее понесло. Алла была рада, что вышла из комнаты, а Павел увязался за ней. Лина и Марианна тактично скрылись на кухне. Они с Павлом стояли на балконе, разглядывали еле видный отсюда шпиль Петропавловки и болтали. Он всё время держал ее за руку. А из комнаты доносились мамины сетования на одиночество и ненужность.

А еще порывалась мыть посуду сама. Как будто чтобы попрекнуть. Хотя вряд ли с умыслом, а бесит все равно. Да еще расспросы эти «А что у вас с ним?». Пришлось ответить, мол, а ничего у нас с ним, сгоряча хлопнуть дверью и уйти на кухню. На застолье выдержки с горем пополам хватило, а дальше – нет.

Сама бы хотела знать, что у нас с ним. С ним хорошо. Хочется общаться дальше, узнать его получше. А то увлечешься, а потом... Или ему слишком много надежд подашь... Но пока с его стороны тревожных звоночков нет, разве что, правильный слишком. В себе – да, многое настораживает, даже пугает. А он – милый и такой наивный. Кажется, я старше его лет на пять, хотя сама младше его на три года. И он совсем не похож на...

Так, Марианна. Тоже выспрашивать принялась – мол, давно встречаетесь? Но с Марианной другое дело. Встречаемся недавно, но он мне нравится. Бедная Марьяшка. Уж как могли, отстирали это злосчастное пятно. Может, ее маман не заметит. Да, а я еще на свою маму злюсь...

Алла вернулась в комнату, крикнула – мам, прости, и побежала обратно на кухню, чтобы не слышать «Да ладно, мне не привыкать».

Так вот, Павел. Какими глазами он смотрит на меня... Можно подумать, я с иконы сошла, или со страниц жития. Ну, на худой конец из русской классики. Лиза Калитина и Наташа Ростова в одном флаконе. Блин, чуть чашку не разбила. При нем, кстати, даже слово «блин» не говорю. Хочу казаться лучше, чем на самом деле? А может быть, при нем действительно хочется быть лучше?

Тогда я не рисовалась. Тогда я была сама непосредственность. Тогда я была другой. Я открыла ему всю себя. Он знал, что я люблю одуванчики. Что я без ума от роликов. Что у меня ели-ели тройка по физике. Что я могу закатить истерику родителям.

Он знал... а *знал* ли он? Было ли ему до этого дело? А помнит ли он об этом сейчас? И вообще, что я для него? Эпизод веселой юности – не первый и не последний? И если так, все ли такие эпизоды он помнит?

Горечь во рту, словно после антибиотика. Нахлынуло. Только бы на кухню не вышла мама.

Получится ли так открыться Павлу? И надо ли?

Тьфу, швырнула бы эту чашку об стену, да потом осколки поди собирай, еще можно поранить ногу, по утрам же босиком...

Да, четыре года назад. Как раз то видео на мобильном. Катались с ним на роликах. Только что научилась держать равновесие, но ехала еще медленно, а Влад угнался вперед. Стала набирать скорость, и вдруг как что-то щелкнуло – лечу! И вот одуванчики слились в огненную реку. Сунула руку в карман джинсов, достала телефон – тогда еще новенький был, принялась снимать это чудо. А навстречу – девчонка на скейте. Хорошо еще затормозить успела, а то обеим бы пришлось туго. А так – только коленку разбила и джинсы разодрала. Ну, кто же защиту не надевает! Влад уже свернул за угол. Превозмогая боль, плача от досады, стала его догонять. Увидела его, окликнула – он не сразу услышал. А может, не хотел отзываться. Уже взяла себя в руки и почти смеялась, когда подъехала к нему. А он бросил раздраженно – сама виновата. Ну да, конечно сама, не он же!

Дзынь – руки дрогнули, чашка всё-таки оказалась на полу. С одуванчиками, кстати. А одуванчики, между прочим, в тот же день скосили. Когда они с Владом ехали обратно, газон уже поблек.

СМС-ка пришла. «Аллуся, спокойной ночи». Аллуся... Он так назвал ее впервые. Влад называл Алкой.

Какой счастливый – тяжелый, но счастливый день. Мама заснула. Вроде бы ей получше. Отнести цветы – ли-зи-антусы – к себе в комнату. Нет, лучше на кухню. Завтра ко второй паре. Мама уйдет раньше, можно будет спокойно сварить кофе и попивать его, любуясь цветами. А один – вот этот, маленький – цветок можно отщипнуть и взять с собой в постель.

Глава 8

К поездке в Зеленогорск – Пашина идея – Алла подготовилась основательно. Назначили день, когда зачеты уже при хорошем раскладе будут сданы, а до экзаменов останется чуть меньше недели. Сдав в переработку два мешка темных кофт и прочего барахла, набившего оскомину за последние четыре года, она получила скидку и купила ярко синий сарафан, до полу, но с открытыми плечами. Купила она и бирюзовые сережки – уши проколола мама еще классе в седьмом, как папа ни протестовал – и бирюзовый же кулон. Утром завила волосы щипцами и распушила. «Я ли это в зеркале?». Почему такие холодные пальцы? Ведь не впервые собралась с ним гулять. Ну разве что чуть подальше от дома, чем обычно.

День выдался облачным, но для конца мая вполне теплым. К вечеру обещали грозу, но они к этому времени уже вернутся. Зеленогорский воздух был солоноватым и прохладным – Балтика! Они решили сначала прогуляться по городку, а потом выйти на побережье залива. По пути им попала высокая, словно пирамидка, церковь с темным куполом. Павел предложил зайти.

– Ой, а я платка не взяла, и в косметике! Вдруг бабка какая что скажет...

– Ну давай хотя бы подойдем, посмотрим. – он перекрестился на храм. – Алла... я давно хотел спросить. У тебя есть... ну, как бы заветная мечта?

Алла пристально и серьезно глянула ему в глаза и чуть пожала плечами.

– Я никому не говорил пока. Тебе первой скажу. Я хочу ...стать священником.

Алла все также внимательно вглядывалась в него.

– Здорово... какой ты молодец...

Что в ее голосе? Радость за него? Сомнение в серьезности намерений? А может быть, готовность разделить его судьбу?

– Пойдем к морю, Паша.

Он взял ее руку, и чуть было не отпустил – ее ладонь была непривычно холодной и влажной. Она долго молчала, потом заговорила о погоде – выглянуло солнце, о предстоящих экзаменах, и даже развеселилась. Но как и тогда, на дне рождения, Павлу чудилась, что улыбается она натянуто.

Море вдохнуло в нее жизнь. Увидев его, она захлопала в ладоши.

– Купаться нельзя еще, так хоть ноги смочим – она сбросила босоножки, схватила их правой рукой, а левой потянула его за рукав. Он впервые увидел ее ступни, узкие и смуглые, как и вся она. Подобрала пару мелких ракушек и бросила в сумочку. Подняла липкий, темно зеленый кусок тины и швырнула его в волны. Взобралась на один из прибрежных валунов. Слегка запрокинула голову. Морской ветер отбросил назад ее аккуратно уложенные волосы.

– Сфотографируешь? – улыбалась она игриво.

– Осторожно... Скользко.

– Ничего.

Слезла с камня – он страховал – и чуть не упала в его объятия. Павел подошел и показал ей фото.

– Прикольно... Да, слушай, напомнило юг. Я там сто лет не была. Ну, лет шесть уж точно.

– А хочется?

– Еще бы!

– Да, мне тоже. Может быть, через годик... Алла, ты поедешь со мной?

Алла взглянула на него. Он взял ее за руку.

– Алла... ты выйдешь за меня замуж?

Она молчала. Глаза ее слезились, впрочем это давно, она говорила – от ветра.

– Павел... Паша... я не могу... не знаю... Мне надо подумать. Хотя бы пару дней. Прости.

Он так и держал ее за руку, горячую, дрожащую. Зачем, зачем было торопиться. Только испортил все. Она сейчас разрыдается...

– Алла... Аллуся, я не тороплю. Прости. Ответишь, когда сможешь.

– Окей.

Она протерла лицо бумажным платком, потом достала из сумочки бутылочку «Бонаквы» и с жадностью выпила половину.

Прежде чем возвращаться, они решили немного прогуляться по аллее вдоль моря. Он положил руку ей на плечо, она не сопротивлялась. Зачем, зачем она надела этот открытый сарафан? Ребенок, не понимает, как это сносит крышу. Так и хочется провести ладонью между лопаток, ощутить под пальцем вот эту небольшую родинку, похожую на ягоду брусники возле самого позвоночника... Господи, о чем я.

Она снова задумалась. Не отказала, не отталкивает, и то хорошо. Нельзя тянуть из земли едва проклюнувшиеся ростки, чьи кончики ещё спрятаны в оболочке семени, словно в чехле. «Полубит не скоро, зато не разлюбит уж даром»... откуда-то, к ЕГЭ учил.

Пора домой.

День был будний и в вагоне набралось от силы десять человек. Алла села у окна по ходу, Павел – рядом. Руку она не отнимала. Иногда он заговаривал об экзаменах, она отвечала рассеянно. Проводил ее до квартиры, на прощание поцеловал в щеку. Она не уклонилась, но и не ответила тем же. Внизу у лифтов встретил алкашика, ее соседа, с котом на плече. «Слыш, ты Алку обидеть не вздумай!». Еле отвязался.

«Да, это точно лучший день за всю прошедшую, а возможно – и будущую жизнь» – думал Павел, возвращаясь домой. Он решил пройтись пешком – стоять или сидеть в метро он не смог бы, слишком колотилось сердце. И ничего, что поспешил. Даже если откажет, он будет бороться. Но она не откажет совсем – иначе не стала бы с ним встречаться и завлекать. Не той породы девчонка. Просто, наверно, захочет повременить. Да он сколько угодно ждать будет! Конечно, это он без пяти минут выпускник, а ей ещё три года учиться...

Родители были на даче – мама уже взяла отпуск, папа дежурил еще через два дня. Вот и славно, нужно побыть одному. Можно даже не мыть посуду и не надевать тапки. Ну что ж, любовь – любовью, а сейчас пора за дело.

Так, Ромыч обещал скинуть билеты для госов. Загружайся, старик. Помыл черешню, поставил тарелку рядом с компьютером. Блин, ну давно же хотел отменить уведомления с форума. Опять какая-то хрень от Alice. Господи. Уведомление от Аллы с VK. Глаз выхватил первую строчку – «Паша, я люблю тебя, но...». Да какие тут могут быть но... Стрелка мыши задержалась по экрану возле кнопки «Читать дальше». Не читать. Уснуть счастливым. Нет, уснуть, наверно, не получится до утра. Нужно узнать, что за «но». Пальцы потные, дрожат, не слушаются. Вот, открылось.

«...но если ты серьезно намерен стать священником, я не могу быть твоей женой. Я не девственница. Если для тебя это серьезное препятствие, считай это сообщение отказом, и общение нам нужно прекратить, чтобы зря не мучить друг друга. Если так, не отвечай мне. Мне будет больно, но объясняться еще больней. Спокойной ночи».

Он уставился в монитор. Перечитал сообщение. Ещё раз. И ещё раз. Сначала пальцы начали дрожать мелкой дрожью. Потом затрясло все тело. Рука намертво стиснула мышь, стрелка задержалась из стороны в сторону по всему экрану. Павел со всей силы дёрнул за нее и вырвал шнур из гнезда.

«Спокойной ночи»... Стёб, да? Спокойной ночи, б... На пол полетел стаканчик для карандашей, сплетенный когда-то Надькой, тарелка с черешней. Из небьющегося стекла, да? Хрена с два. На мелкие кусочки разлетелась, сука. Он с размаху наступил на грудю черешен. Осколок прорезал носок и впился в ногу, сок черешни смешался с кровью. Павел бросился на диван, опершись окровавленными и перемазанными черешней ногами о подлокотник. Он

выл, вопил, кричал, сжимая в руке мобильник... Схватив смартфон, пытался удалить Аллу из друзей, но руки не слушались. Не заметил, сколько времени провел так.

Наконец он худо-бедно овладел собой. Она просила не отвечать. Он и не ответит. Из друзей удалил. Теперь на форум. Сказать это дряни Alice все, что она заслуживает. Ага, вчера вечером писала. «Слушай ты, Alice. Я понял, что все вы, современные девки, б-ди. Дурак, искал идеал. Да пошли вы все»... Хотел было стереть, или хотя бы подредактировать, но задел пальцем кнопку «Ответить». А и хрен с ним.

Минут через десять осколки были убраны, осталось лишь пятно сока – или крови? на ковре. Ах, ужас, мамочка убьет, ха-ха. Ругнувшись еще раз, Павел стал раскладывать диван и уронил смартфон, лежавший на краю. Так, что там пишут? Внизу страницы красными буквами было напечатано: «Пользователь Paulus за употребление нецензурной брани и оскорбление форумчан отправлен в вечный бан».

«Блин... лучший день в моей жизни» – сказал он в слух и захохотал. Затем, не помолившись, лег спать на незастеленный диван.

Глава 9

Студентов в буфете собралось не много. Занятий уже не было, экзамены начались еще не у всех групп, но уже пошли консультации.

Горьковатый запах кофе с порога ударяет в нос. За столиком прямо перед входом сидят двое парней, похоже, первокурсников, и, видать, не гуманитариев – болтают про бозон Хиггса. У стены, вполоборота – девушка с разводами цвета морской волны в темных волосах, остриженных до середины шеи. У окна – две девчонки, наверное, инъязовки, что-то переводят с немецкого. Блин, а где Алка? Звонила, сказала, что ждет в кофейном.

Ангелина вынула из кармана мобильный и набрала номер. У девушки с морскими волосами в сумочке заиграла какая-то бодренькая мелодия, и она, оторвавшись от конспекта, полезла за телефоном. Так это же Алка и есть!

– Алка, блин, не узнала!

Алла рассмеялась и долго хохотала непривычным грудным, низким хохотом. Аж покраснела вся.

– Ал, ну-ка покажи. Супер просто!

– Да, видишь, мне Инка ученика подкинула, в десятый пойдет, буду к ЕГЭ готовить. Она английский, я – историю. Он на месяц вперед заплатил, вот решила имидж сменить... Пойдем, купим чего-нибудь. Только не сосиски в тесте. Я, пожалуй, кофе заварной и мороженое. Фу, как ты можешь растворимый. Да, рожок со смородой.

– Алл, ну сколько раз тебе говорить – не со смородой, а со смородиной! Эх вы, питерские...

Девушки вернулись за свой столик. С минуту сидели молча. Алла покусывала вафлю, облизывала мороженое и запивала мелкими глотками кофе. Губы подергивались, то и дело фыркала, словно вот-вот снова расхохочется. Затем отложила мороженое на блюдце, отхлебнула кофе и отставила в сторону чашку.

– Кофе жжет, мороженое ледяное, зубы можно испортить. Пусть подтает, полежит, времени вагон еще.

– Алл... – Ангелина доверительно ткнула ее локтем в бок. – Я так поняла, у вас с ним все серьезно?

Алла рассмеялась тем же грудным смехом.

– Куда уж серьезнее. Мы расстались... – Замолчала и снова отхлебнула кофе.

– Да ты что... Он же такой вроде правильный, хороший.

– Хороший-хороший, лучше некуда. Где уж нам. Недостойны... – Алла снова хлебнула кофе и чуть не подавилась, сдерживая смех.

– Ни фига себе. Он же Ромке говорил – мне Ромка сказал, что ты ему очень нравишься.

– Это не я ему нравилась. Это та паинька-заинька, за которую он меня принимал. Блин, убила бы сучку – Алла резко скомкала блестящую обертку от мороженого.

– В смысле?

– В коромысле.

– Алка. Пойдем, поговорим. Успокойся. Ну-ну, из-за мужика плакать, ни один из них не стоит. Только что смеялась...

– Да нормально все – Алла стерла слезы, откинулась на спинку стула и, закинув ногу на ногу, стала допивать кофе. Узкое смуглое колено выглянуло из под юбки.

– Ага, девчонки, вот вы где – у столика стояла Аня Селезнева и смеялась по своему обыкновению. И даже веселее, чем обычно.

– Девочки... Что шас было! Пришла я в деканат, заявление писать на академку. А бланка готового у них нет, так дали мне образец, чтобы от руки написать. И я, прикиньте, в слове «заявление» одну букву перепутала. И получилось...

– Охренеть! Просто охренеть! – Алла хлопнула ее по плечу и захохотала истерическим, утробным смехом.

– Так вот ты какая – сказал мужской голос.

Девушки резко перестали смеяться и подняли глаза. Возле столика стоял Павел.

Он застыл, словно сам обалдел от своих слов.

Алла с улыбкой глянула ему в глаза.

– Уж какая есть! Пойдемте, девочки.

– Вот дебил! Я тебе клянусь, он дебил – громко сказала Аня, когда они выходили из буфета. Павел так и остался у столика.

Девушка с волосами цвета морской волны медленно идет по набережной Канала Грибоедова, от метро, в сторону Спаса на Крови. Время от времени склонит голову то на один, то на другой бок. То вдруг остановится, обопрется локтями о решетку, и смотрит на черную с солнечными искорками чешую канала.

Вокруг – летний Питер. Возле каждой кафешки выстроились рядом ящики с цветами. Анютины глазки и петунии всех мастей любопытно разглядывают спящих мимо девушек в ярких сарафанах, топиках и блузках с обнаженными плечами. Гитарист на мостике выводит то «Город золотой», то «Yesterday», то «Эсмеральду». Золотая мозаика храма слепит глаза.

Девушка идет дальше. Иногда почти столкнется с прохожим, бегущим навстречу.

Так она доходит до собора. Рассеянно смотрит на золотую фигуру Воскресшего, крестится. Переходит к парку перед самым носом лошадки. Немного оживившись, подходит к девушке, продающей засахаренный миндаль, покупает кулек. Неспешно грызет орех за орехом, заходит в парк и бессильно опускается на скамейку напротив Русского музея. Откуда-то из окон, она знает, выглядывает Мефистофель. Откидывается на спинку и закрывает глаза.

...Тут мы носились, бывало, с Владом и Марианной. Да вижу. Бежим. Ее маман сейчас подойдет, и будет ругаться, что ей за нами не поспеть, одышка. Сначала я догоняю Влада и даже касаюсь рукой, но он делает рывок и уносится вперед. Я стою, пытаюсь перевести дух. Ага, Марианна догоняет. Догнала. Схватила за руку. Вдруг все темнеет и кружится. Все бегут. И я бегу по городу. Город не такой как наяву, а такой, как он обычно является во сне. То ли за Владом с Марьяшей, то ли спасаясь от неведомой беды. Где же они? Вот Марьяша. Раскинув руки, пытается удержаться на краю какой-то грязной канавы. Давай, держись за меня. Вот так. А где же Влад?

Алла открыла глаза. Кругом был залитый солнцем летний парк. Но было страшно, как много лет назад, когда приснился котенок с оторванной лапкой. Она тогда почти до самого утра лежала в постели, и ни неумелые детские молитвы, ни любимые уютные книги вроде Чарской или Дюма не помогали заснуть. А через пару дней Лазареву на труде чуть кисть руки не оторвало. Ладно, снам нельзя верить. К тому же всё обошлось...

Да, за последние дни перепсиховала, вот дрянь и снится. Нет, надо брать себя в руки, ещё целая жизнь впереди. И экзамен впридачу. И раздолбай Тимошка – его маменьке вынь да положь сотню баллов по ЕГЭ. Алла потрясла головой, как бы сбрасывая остатки неприятного сна. Достала из кулька и сунула в рот ещё один орешек. И что за привычка, заедать стресс сладостями... Пора домой.

– Алка, привет, не узнала сразу. Классно выглядишь!

Боже. Марианна. Накрашенная, в лёгком и женственном сарафане. Дышащая цветочным ароматом недорогой, но приятной туалетной воды.

– Привет. Ты тоже прямо топ-модель!

– Слушай, поболтаем как-нибудь? Мне бежать срочно нужно.

– Увидимся.

Чмокнули друг друга в щеки, и Марианна почти бегом направилась в сторону Инженерного замка. Алла с полминуты стояла как выкопанная, затем обернулась и проводила подругу глазами, пока та не скрылась за деревьями.

Глава 10

Как обычно после Причастия, Павел отдыхал на диване. Он пытался уговорить себя, что исповедал все грехи, но покоя не было.

«Был груб с людьми, ругался матом, не всегда удавалось извиниться»... Да, все так. Но только ли это?

Он ведь тогда хотел извиниться. Нет, все кончено, но поговорить было нужно. Сказать, что он ни в чем не винит ее (та лучше, хоть и не совсем правда), но не может пожертвовать призванием. Из соцсетей она удалилась. Мобильный все время выключен. А имейл ее, как оказалось, он и не знал. Разыскивал ее в тот день по расписанию. И вот, случайно нашел в буфете. Это была та самая девка, та самая Alice, какой он ее представил себе в тот день, когда впервые получил бан на форуме. С безвкусно раскрашенными волосами. Коленка – узкая, смуглая, аж мороз по коже – вульгарно выставлена из разреза юбки. Хохоchet над скабрёзнейшей шуткой. Нет, конечно, девчонки, которых он знал, и не такое себе позволяли, но Алла...

Стоп. Забыть. Забудешь, ага.

И как могла такая красота переродиться в такую мерзость? А была ли красота? Было ли чистое чувство? Было. И сейчас, когда он вспоминал прогулки по Невскому, Ботанический сад, Зеленогорск – тот небывалый день, который завершился катастрофой – голова шла кругом. Да, она влекла его и физически – все больше и больше – но ведь это естественно, в этом нет греха. И вот она, с сине-зелеными волосами, снова смеется, дерзко заглядывает ему в глаза, выставив смуглое колено. И он хочет... стоп, стоп. Про блудные помыслы надо записать к следующей исповеди.

И что уж греха таить, перед этой дурехой Alice с форума он тоже виноват. Хотел было извиниться, пытался заново зарегистрироваться на форуме с другой почты – но всеведущие админы определили его ip и не подтвердили учётную запись. Ну что ж тут поделаешь – плюнул и забыл.

Магистерскую Павел защитил с отличием. Его брали лаборантом на кафедру. Предлагали поступать в аспирантуру, но он не стал подавать документы. Поработает годик, а потом попробует поступить в семинарию. Когда-то он на что-то подобное намекал о. Виктору, и тот, вроде, не стал отговаривать, не сказал «Нет, не твой это путь». А искушение любовью к женщине – это все бесовские козни, они лишь подтверждают, что его намерение угодно Богу. Вернется о. Виктор из паломничества – надо будет с ним поговорить, рассказать всю историю.

А пока – к бабушке, в Новгород. Вот блин, Алла ведь по древнему Новгороду вроде бакалаврскую собиралась писать. Ладно, забыть, не до нее. Надо думать, как поладить с бабушкой.

Бабушке – маминой маме – было уже 80, но она вполне еще справлялась с хозяйством в своей двушке с газовой колонкой. Раз в месяц родители уезжали к ней на выходные, иногда и Павел выбирался с ними. После дачного сезона мама обычно брала отпуск за свой счет, и также на две недели уезжала к матери. В этом году у старушки пошаливало давление, и мама попросила Пашу пожить в Новгороде недельку-другую – оставить на них с отцом помидоры и перцы она не могла.

Павел как раз получил гонорар за книгу по истории, которую он мало-помалу переводил с английского весь шестой курс, и радовался, что поедет полностью за свой счет и будет располагать карманными деньгами. Не с пустыми руками явится и к бабушке, и к Нине. Нину, Пашину троюродную сестру, и ее мать, тетю Катю, бабушка на дух не переносила, даже имена эти нельзя было при ней поминать, а визиты к опальным родственникам Пашины родители всегда тщательно скрывали – мол, пошли погулять по Ярославову Дворищу. Иногда бабушка узнавала правду и закатывала скандал – «Чтоб не приезжали больше! Сдохну – соседи похоронят!», и маме долго приходилось уговаривать бабушку разрешить приехать через месяц. Это

была какая-то давняя история семейных дразг во втором поколении. Но Нина была ровесницей Нади, Пашиной старшей сестры, жившей с мужем и двумя детьми в Североморске. И Нину он воспринимал если не как сестру, то как близкую родственницу. Года два назад у Нины умер отец, потом она вышла замуж. Паша видел Никиту всего пару раз, и теперь надеялся узнать его получше.

Может, племянники скоро пойдут. А то Надька с семьёй раз в два года приезжает, особо не пообщаешься.

Покойный отец Нины, дядя Леша, приходился двоюродным братом Пашиной маме. Павел знал, что по материнской линии у Нины была двоюродная сестра, Кристина. Нина часто поминала «Криську» в разговорах, и всегда жалела ее. Отец – пьяница, мать, сестра тети Кати – загнанное существо, все никак не решится уйти от него, да и некуда. Живут где-то в поселке городского типа под Тверью. Как раз сейчас Кристина гостила у Нины – они с матерью часто принимали девочку у себя. Как он понял, спасалась от отцовских запоев. Благо, есть где отсидеться. Вот соседка наверху – тоже как мать этой Кристины, все терпит, бабулька с восьмого этажа говорила вчера – всю ночь у них там гвалт стоял, мать-перемать, отпусти меня сволочь. Родит от него, не дай Бог, – куда детям прятаться?

Размышления прервал мамин звонок. Она кричала, чтобы он уже собирался, нельзя опаздывать на автобус, не убивай бабушку своим разгильдяйством. Паша не стал грешить после Причастия, ответил «Окей, мамуль» и направился к выходу. Посуду не помыл, ну ничего, там всего одна тарелка и чашка, ну и кастрюля. Приедет завтра отец на дежурство, справится.

Бабушка встретила Павла наваристым крошечком – щами из засоленных зеленых листьев капусты, холодцом и пирогами с морковкой. Поскольку Петров пост уже кончился, дилеммы «согрешить нарушением поста или ссорой с бабушкой» перед ним не стояло.

– Ну как, Пашутка, жениться-то не собрался? – спросила бабушка за чаем.

– Да нет пока...

– А то я правнуков своих и не вижу. Надюша-то вообще сюда дай Бог раз в пятилетку заедет. Младшенькую-то вообще еще не видала.

– Бабуль... ну нельзя спешить в этом деле. Надька-то молодец, Леха у нее классный мужик.

– Ой, не надо мне. Да по нужде она замуж выскочила, вот и сидит теперь в Тмутаракани. К родителям ей, небось, стыдно.

– Бабушка, не надо...

– А чего не надо. Само имя не переносу. Вот у меня тоже Леха, племянничек, так всю жизнь с ним на ножах.

– Бабушка, о мертвых либо хорошо, либо ничего..

– Да что уж теперь. А слышал, Нинка-то дочь его? За начальника своего замуж вышла. Сорок лет ему, разведенный. Небось сама и развела...

– Бабуль... можно еще пирожка?

– Нужно! Сиди, сиди, я принесу.

Пока бабушка ходила на кухню за пирогами, Паша скинул Нине смс-ку, что доехал и завтра зайдет.

– Так, Павлуха! Я кому говорил, торт не покупать! У нас в два раза больше. Вот щас оба тебе в рот и запихнем!

– Ну-ну, разбушевался, Никита Петрович – Нина погрозила мужу пальцем. Пошли, Павлуш, с мамой поздороваешься, а то она лежит, давление пошаливает тоже.

Нина была поздним ребенком, и ее матери уже перевалило за шестьдесят. Это была добродушная женщина, с густыми почти сросшимися бровями. Нос у нее был с горбинкой – пожалуй, единственная черта, унаследованная Ниной.

– А с Кристиной-то познакомился? – спросила тетя Катя после приветствий и поцелуев. Гостит сейчас у нас. В институт поступала, да не поступила. А жаль девку, так бы общежитие дали. Ох, беспутный у них батька... Ладно уж, иди в гостиную, скучно, небось, со старухой-то...

Уже выйдя из комнаты, он расслышал тёткин вздох со словами «Дай Бог Кристиночке».

«Дай Бог ей своих внуков поскорее потискать» – подумал Паша и направился в гостиную.

За накрытым по-праздничному столом, напротив телевизора, сидела девушка. Девочка, старшекласница или выпускница. Круглолицая, с пухлыми губками. Зря она, конечно, выбрала такую яркую помаду. Темно-русые волосы были пострижены до плеч. Она оторвалась от ток-шоу и взглянула на него с улыбкой, как старому знакомому. Глаза у нее были большие и карие.

Нина представила их друг другу, и все, кроме хандрившей тети Кати, уселись за стол. Готовила Нина отлично. Салат «мимоза» в авторском варианте. Куриные грудки, обернутые полосками бекона. Бутерброды с ветчиной, смазанные смесью хрена и майонеза вместо масла. Для себя, Павла и Кристины Нина поставила бутылку Киндзмараули, для Никиты – небольшой графинчик самогона («Достаем у знакомых в деревне»). После первого тоста «чтобы чаще встречаться» вино слегка ударило в голову, и Павел почувствовал себя в кругу своих, хотя Крестину видел впервые, а Никиту, наверное, в третий раз. Шутил, рассказывал студенческие истории – например, про девушку, которая отвечала по чужой шпаргалке и «программу Максимум» обозвала «Программой Тах», за что препод в зачетке в графе «оценка» написал «дура». Никита, выпив рюмку самогона, молча усмехался, поглядывая то на Павла, то на Крестину.

– Паш, ты у нас сегодня ночуешь-то? – спросил он.

– Нет, у бабушки.

– Да ну... ты посмотри, какая тут девочка.

– Причем здесь..

– А то я ведь у тебя из-под носа уведу. Кристиночка, ты сегодня будешь спать со мной? –

Он положил руку ей на колено.

– Вы... ты чего, охренел? – Павел вскочил с места. Обе женщины были невозмутимы, будто дело их не касалось.

– Паха! Да ты никак уж ревнуешь? Да куда тебе со мной тягаться...

– Козел, заткнись! – Павел схватил бутылку вина и, перегнувшись через стол, замахнулся на Никиту.

– Вообще-то, Никита Петрович, Пашка прав – вмешалась Нина, спокойно, но твердо перехватив Пашину руку и опустив бутылку на стол. – Это мы с Кристишкой к твоим шуточкам привыкли, а его по-другому воспитывали.

– Ладно. Пашка, мир да? Успокоился? – Никита примирительно протянул ему руку. Павел без энтузиазма пожал ее, и застолье пошло своим чередом, а чтобы предотвратить ненужные разговоры, Нина поставила видео с горнолыжного курорта, где они с мужем отдыхали в феврале.

После обеда Никита включил футбол, а Нина, Кристина и Павел стали убирать со стола. Паша отнес на кухню стопку тарелок, Нина и Кристина спрятали в холодильник остатки салатов и нарезки. Нина вернулась в комнату собрать бокалы, и Павел с Кристиной на минуту остались одни.

– Паш – улыбнулась Кристина – ты на Никиту Петровича не обращай внимание. Болтает, что в башку взбредет, а так вообще он добрый.

Нда. Что же у нее дома творится, если подобные выходки ей по барабану.

После чая с тортом Паша засобирался домой, то есть к бабушке. Нина на прощание сказала:

– Паш, ты в любое время заходи. Вот хоть завтра, воскресенье же. А по будням нас с Никитой не будет, так с мамой пообщаешься...

Бабушка заждалась внука к обеду. Едва он переступил порог, на столе уже дымились тарелка горячего крошева – настоялось за сутки, стало еще аппетитнее. Правда, Паше еду даже видеть не хотелось после сытного застолья, но нельзя было показывать виду, а то бабушка заподозрит, где он был. Но она ничего не заметила. Вспоминала военное детство, ворчала на коммунальные службы. Павел слушал, кивал, даже умудрялся к месту вставлять реплики. Прощлась она пару раз и по тете Кате с семьей, тут Павел молчал, не заступаясь и не поддакивая. Он думал о своем.

Кристина... вот почему именно сейчас это знакомство? Знак свыше? Фу, какая чушь. Просто родственница сестры. Вообще ничего общего быть с ней не может. Только что окончила провинциальную школу, и, похоже, вуз ей в ближайшее время не светит. Но может быть, она еще совсем чистая. Конечно, насмотрелась всякого у себя дома, да и у Никиты особо ничему хорошему не научишься, но, если пересадить ее на благодатную почву, удобрять и пропалывать землю вокруг, вдруг и расправит ветви? Особого ума – интеллекта там нет, но, кажется, она добрая, открытая. Даже ярко окрашенные губы – детство, и ничего более. Нашла где-то заброшенную мамкину помаду (той, видать, особо краситься не для кого). Думает, взрослая.

Фигня. Зачем об этом.

Пухлая и мягкая, как горячий пирожок из буфета.

Паш, ну ты даешь, дружище. Через пару недель уедешь, и дело с концом.

Да, кстати Нинка приглашала еще зайти. Завтра-то не получится, с утра надо сбежать в собор, а потом обещал бабушке генеральную уборку. Может, в следующие выходные еще здесь буду. А может забегу в понедельник. Ну, пообщаюсь разок с Кристиной. Это ничего не значит.

А вообще-то... собираюсь в священники. Не век же celibатом жить. Нет, Кристина-то вряд ли, но не стоит из-за одного неприятного эпизода всю жизнь сторониться девчонок.

Глава 11

– Лин, давай присядем... – Алла опустилась на разлапистые, переплетенные сосновые корни, и свесила ноги в воду. – Смотри, скоро голубика поспеет. Прямо в воду свисает. Ну, так что Ромка, ты говорила...

– Алкааа... Он классный такой, вообще! – Ангелина зажмурилась и потрясла кулачками с поднятыми вверх большими пальцами. – Это мой человек, я на сто процентов теперь уверена – она прислонилась спиной к смолистому, чешуйчатому, словно гигантская рыба, стволу и зажмурилась.

– Осторожно, не испачкайся, там смола может быть. Да, Рома, мне кажется, парень серьезный.

– Да ты прикинь, он только магистерскую защитил, а уже вовсю работает. Прислал сейчас СМС-ку – сегодня три экскурсии допоздна. И так все лето. Он ИП оформляет, а потом хочет свою фирму организовать. Я с ним хочу. У меня английский получше, чем у него, я каждый год в Канаду к тете езжу. Ну, раз в два года уж точно. Алка, слушай... он предлагает мне к нему переезжать.... – и, помолчав, добавила шепотом – А я так боюсь... ну ты понимаешь, мы же с ним целовались только. И до него у меня не было никого... говорят, это больно... Ну когда-то надо начинать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.